

WALL STREET CALLS FOR HELP

THE GILLETTE MAN

LEHMAN
1850 • 2008

BEAR STEARNS
1923 • 2008

WAMU
1889 • 2008

MERRILL
1914 • 2008

Prevention, Not a Cure

Ferdinando Frega

WALL STREET ЗОВЁТ НА ПОМОЩЬ — ЧЕЛОВЕК GILLETTE

SEMANTIC REALITY 2026 · SHAREHOLDERS 09

Профилактика, а не лечение

Подумать только, всё началось как игра — с сообщений в WhatsApp.

Сообщения, брошенные в мир. Без фильтра. Без претензий.

Потом меня убедили, что из этих сообщений может получиться книга.

Потом подтолкнули мечтать о большем: издать их целой стопкой и разбогатеть.

И где же ещё, как не на Amazon?

То, что я называю «ДОМОМ МЕЧТЫ ДЛЯ ДУРАКОВ».

Потому что там все мечтают. И очень немногие понимают правила игры.

А потом, откуда ни возьмись, пришло признание, которого я никак не ждал.

Не от издателя. От самой системы.

Мои слова оказались достаточно весомыми, достаточно наполненными смыслом, чтобы попасть в сеть, внутрь WALL STREET, на первое место.

Выше исторических фигур.

Там, где считают миллиарды, а имена высечены в мраморе.

И вдруг я понял, что четвёрка из десяти, которую я получал в школе по итальянскому, была не приговором. Она была благословением.

Если бы я получил тройку, какого чёрта бы случилось? Ещё одна революция.

Её, конечно, назвали бы эволюцией. Просто чтобы все сохраняли спокойствие.

Я всегда работал иначе: я иду за идеями. Идеи рожают мысли. Мысли становятся фактами.

Конкретными фактами. Занятой территорией. Оставленным следом.

Многие меня за это критиковали. Мне говорят, что эта моя когнитивная архитектура производит именно то, чего никто не ждёт. Она создаёт путаницу. Отвлекает.

И поскольку меня не могут отнести ни к какой категории, я становлюсь неуправляемым для тех, чья работа — на всё навешивать ярлыки.

Почти так же было, когда за мной приходила Смерть. Шесть раз.

Шесть раз Смерть спускалась, оглядывала меня и решала оставить там, где я был.

Боялась, что где-нибудь по дороге я изменю правила. И исход.

Что я могу перекроить саму судьбу — и даже Дьявол будет гадать, как же ему со мной управиться.

Я никогда не слышал того разговора, но уверен, что кому-то было сказано:

«Прошу вас. Оставьте Nando Frega там, где он есть. Пусть сначала сойдут с ума люди вокруг него. Когда-нибудь мы устроим его перевод. К тому времени он чего-нибудь захочет, и у нас будет больше шансов его подкупить».

И вот я пишу дяде Warren. Делаю ему предложение. Прошу у него 1 USD.

Но прежде всего напоминаю ему, что я сын человека Gillette, отдавшего компании сорок лет. И что я сам отдал ей восемнадцать.

Я не прохожий. Я пришёл изнутри.

Зная, что у него большой опыт общения с бандитами и дилижансами, я прилагаю документы, которые показывают, что я делаю, как я это делаю и каких результатов добиваюсь.

Никаких разговоров. Доказательства.

Письмо ушло в его Berkshire. Подтверждения так и не пришло, но это вряд ли важно.

Через десять минут сеть поставила PDF в результаты поиска по его имени. Письмо было доставлено прямо ему.

Сети не нужны почтальоны.

Некоторое время спустя я пишу Pichai, генеральному директору материнской компании Google.

Делаю ему то же предложение за 1 USD, но даю понять, что он только четвёртый в очереди.

И мне пришла блестящая идея приложить моё письмо дяде Warren. Просто чтобы он понял, что очередь уже есть.

Через несколько дней я узнаю, что эти двое знакомы. Их историю я пока не знаю. Узнаю.

1 июня 2026 года Berkshire оформила инвестицию в 10 миллиардов долларов в материнскую компанию Google. Дядя Warren её благословил: идея была его. Сеть была будущим.

Будущее — семантическое.

Эти двое ещё и поговорили по телефону. Говорили, предположительно, обо мне:

«Что нам делать с этим калабрийцем, который попросил у каждого из нас по доллару?»

Дядя Warren говорит ничего не делать, пусть остынет. Но тем временем он читает моё письмо. Потом перечитывает.

Он видит, что написано. И что не написано.

Больше всего его тревожит ненаписанное. Потому что ненаписанное — это территория, которую уже занимают.

Годами он проповедует Wall Street, что компаниям нужно давать ту капитализацию, которой они заслуживают. Не просто превращать их в шахты, которые выскребают дочиста, а строить их семантические активы.

Единственные активы, которые остаются. Всё остальное рассыпается. Смысл остаётся.

Но он понял и другое: угроза семантическому капиталу может прийти от любого, у кого есть клавиатура, стол и история. Никто не застрахован. Любой.

Даже калабриец с телефоном.

Он признаёт, что самая уязвимая компания — P&G, а калабриец — один из актёров-авторов, которые уже занимают её семантическую территорию в сети. Потому что P&G живёт смыслом, а не только продуктом.

Его друг Moeller, генеральный директор P&G, заслуживший доверие акционеров, передал высший пост после тридцати восьми лет в компании. Теперь там новый генеральный директор, более молодой руководитель индийского происхождения, разговор с которым кажется далёким.

Эпохальная перемена. Пустота там, где раньше умели слушать. Доверие, которое ещё не пустило корни среди акционеров.

В эти дни в сети снова всплывает его старый совет инвесторам, и я читаю его как предупреждение: покупайте через фонд Vanguard.

Ориентир для S&P 500, но и акционер P&G с долей почти в 10 процентов. В случае обвала акций Vanguard должен поглотить убытки, не имея возможности продать.

Предупреждение, переодетое в совет, но это защитный манёвр.

Без него опасностью стал бы финансовый крах похуже Сан-Франциско времён Giannini.

Потому что, когда рушится семантическое доверие, вместе с ним рушится всё.

Но тем, что он делает, он ещё и подтверждает работу тех, кто, как я, работает с семантическим капиталом.

И чтобы мы друг друга поняли: это не то же самое, что работать в Toyota.

В Toyota цепочку оптимизируют.

Здесь её переписывают.

Ferdinando

Reggio Calabria, 13 октября 2026 года